

18+

Леонид Шевырёв

Человек Облако

Леонид Шевырёв

Человек Облако

«Издательские решения»

Шевырёв Л.

Человек Облако / Л. Шевырёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968302-1

Во время прыжка с парашютом Адель атакует рой из частиц сверхлегкого материала. Избежав гибели, она узнаёт об альпене и его изобретателе Даниле. На воздушном корабле «Лола» Данила и Адель летали ночами, пока не привлекли внимание спецслужб. Начаты исследования альпена. Разработаны и испытаны «сети» для ловли дронов. Между Данилой и Аделью возникла любовь. Развивается и конфликт с бойфрендом Адели, черным копателем «по войне». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-968302-1

© Шевырёв Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Белые воробушки	6
Глава 2. Альпен	9
Глава 3. «Летающий островок имени Лапуты»	13
Глава 4. Ночной вид через высокие заборы	16
Глава 5. «ЛЮЛА» готовится	22
Глава 6. Тѐплые спальные ямы	25
Глава 7. Mortui non mordent!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Человек Облако

Леонид Шевырëв

Иллюстратор Марина Ильинична Перепелицына

Иллюстратор Елизавета Михайловна Тукина

© Леонид Шевырëв, 2020

© Марина Ильинична Перепелицына, иллюстрации, 2020

© Елизавета Михайловна Тукина, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4496-8302-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Белые воробушки

Горячая земля слала вверх мощный воздушный ток, замедляя спуск Адели. Её красный парашют скользил по теплым струям, смещаясь к полоске вечерней зари, последнему краюшку солнца, для земных людей зашедшего.

Несколько лет назад она закончила факультет журналистики в университете родного Пересветовска. Работу нашла в многотиражке Гранитного карьера, но – новые собственники, приватизировав бывшую комсомольскую стройку, освободились от всего, по их мнению, лишнего. Многотиражка была балластом. В итоге, гранит и дальше добывали, но – без окормления взволнованным Аделиным словом.

На счастье, как и многим молодым людям, ей легко давалась работа с компьютером. По этой причине Адель охотно брали на разовые проекты, например, в строительные фирмы, для помощи в тендерах, организуемых областными властями. Строителям деваться было некуда, и ей приходилось следить за переменчивыми пожеланиями заказчиков, заполнять хитрейшие (а то и вполне изуверские) формы заявок. Все требовало неутомимых глаз и запредельной усидчивости. Личный доход выходил скромным, но им с мамой хватало.

Но была у Адели и отдушина: Пересветовский аэроклуб. Парашютная секция ценила ее за отвагу, готовность выступать в любых соревнованиях и любую погоду. Ведь небо того стоит.

Прыжков, вроде сегодняшнего, у нее было за триста; этот казался особенно приятным: парение над садами и маленькой речкой, убранными пшеничными полями и ждущей своего часа ярко-зелёной сахарной свеклой. Девушка она было довольно крупной, и если для нее спуск казался медленным, что же тогда сейчас с подружкой Яной, прыгнувшей в общей группе. Не унесло бы ее сорок килограммов в стратосферу (шутка)!

Адель повертела головой. Никого. Ветер разметал.

Внимание ее привлекла тесная стайка мелких светлых птичек, мчавшихся на нее с земли. – Воробушки? Синички? До чего шустры...

Стайка ближе. Стало видно, не птицы, скорее, обломки белого вещества, отливавшего металлом. Плоские куски меньше ладони и с неровными краями. Почему несутся вверх?

Опасными оказались «птички». Одна задела правое плечо, прорезала плотную джинсовую ткань. Сильно качнуло. Адель посмотрела вверх, обомлела. Красный парашютный купол, минуту назад тугий, звенящий от горячего воздуха, ощутимо обмяк. Сквозь крупные дыры проглядывало вечернее густо-синее небо. Одна из строп перерезана. Скорость ее падения нарастала.

Опытная Адель своё дело знала. Дождавшись, когда основной купол опадет, она дернула кольцо запасного, меньшего, парашюта. Тот хорошо раскрылся, сообщив о том мощным рывком. Стало видно, и этой ее выручалочке досталось от «воробышков»: дыра в нем была одна, зато крупная и почти по центру. При таком раскладе встреча с землей обещала быть непростой.

Земля, между тем, совсем недалеко. Под ней – дачные домики, сараи, заборы, вскопанные огороды. Грохнутся на все такое крайне нежелательно. Как могла, Адель теребила стропы, нацеливаясь на возникший среди дачной мелочевки обширный сад из крупных деревьев за высоким забором из красного профлиста. Туда ее и вынесло.

Мощного удара не случилось. Оба парашютных полотна охватили огромную, с трехэтажный дом, яблоню. К стволу ее приложило раз, чувствительно. Адель постепенно приходила в себя, раскачиваясь на стропях над лужайкой, покрытой сухой травой. До нее, впрочем, далеко. Собравшись с силами, она закричала.

И кто-то появился! Сверху стала видна загорелая мужская лысина в обрамлении не очень чesanых косм, носки драных кроссовок.

– Господи, – донеслось растерянное, – что ты там делаешь. На мою голову. Не могла к соседям. Как тебя снимать...

Лысину почесали, она еще немного постояла, удалилась. Возникла стремянка, которой до Адели не хватило метра два.

Мужик вскарабкался на самую верхнюю ступеньку, раскинул руки.

– Прыгай. Ты, может, не очень тяжелая, буду ловить.

Адель отстегнула парашютные пряжки, скользнула вниз. Её было поймали, но – ненадолго. Равновесия удержать не удалось. Обрушились вместе с шаткой стремянкой в сухое колючее разнотравье. Больше всего досталось хозяйской груди и голове, по которым прошлись крепкие Аделины берцы.

Приходили в себя среди перезрелых лопухов и чертополоха.

– Давно бы скосить, все некогда...

Теперь хозяина можно было рассмотреть. Далеко за шестьдесят, стандартный, в общем, дедушка для этих мест. Брахицефал. Во взгляде с веселым огоньком, осанке (он и среди колючек чертополоха держался по привычке прямо) виделись Адели признаки бывшего немалого внутреннего развития (*shabby-genteel*, сказали бы в сетевых кругах).

Самой ей не было и тридцати, и, естественно, подобные старички ее внимания бы в городе не привлекли.

– Откуда вы свалились, неожиданная мадам, и как вас зовут?

– Адель. С неба я.

– То есть, Ада. В Писании имя есть. Раз вы Адель, я, для рифмы, – Азазель. Падший ангел, которому крылья отрубили. Козел отпущения, сжигаемый за чужие грехи. Не пугайтесь, Данила я, Данила.

Старик засмеялся, обнажив неплохие зубы (или их протезы), признак того, что человек, пенсионер и дачник, далеко не опустился.

Адели надо было позвонить, чтобы за ней приехали. На беду, в дачном поселке, оказавшемся в глубокой низине, мобильники не работали. Мертвая зона. Ничего. Договорились, на рассвете Данила съездит на велосипеде к дороге повыше, передаст её сообщение. Адель с трудом пошла к дому, куда ее направили. Саднили ушибы, в большой берцовой кости могла быть, судя по боли, трещина.

Хозяин остался, старался снять парашюты длинным шестом с земли и стремянки, пока не стемнело.

На участке были только деревья, громадные яблони, под защитой высоченного глухого забора. Никаких грядок с помидорами и морковью. Не видно было ни обычного для небогатых дач туалета известного типа, ни сарайчика, ни гаражика или груд безнадежно ждущих своего часа строительных материалов. Хозяин, видно, землю ценил, хотя вся она была в могучей нетоптаной, сильно подвядшей к сентябрю траве.

Впрочем, трансформаторная будка у дома была, с надписью «380 в» на двери. От нее тянулись к дому провода. Зачем в саду иметь повышающий трансформатор с таким напряжением, непонятно.

Стальная дверь в доме с закрытыми ставнями распахнута. Адель попала в небольшую прихожую, где только стол, короткий диванчик и табурет. В комнаты вела такая же дверь, но она оказалась заперта. Из-за нее доносились звуки, чавкающие, словно при работе мощного насоса, жужжание, как от вентилятора. Впрочем, может, то был не выключен телевизор. Современная музыка, она такая и есть, механическая.

Из прихожей был вход в туалет («пудр-клозет») и душевую. Она освежилась согретой дневным солнцем водой. Когда выходила из душа, заметила белый треугольничек из светлого металла на потолке рядом с вытяжкой, Что-то он ей напомнил. Подпрыгнув, она этот интересный предмет оторвала от доски, к которой тот прилип. Твердое слабо пружинящее веще-

ство было, несомненно, металлом. Невесомое, оно отказывалось лежать на ладони, все норовя вырваться из рук. Разбираться с ним некогда. Адель поместила обломок в карман комбинезона, наглухо закрыв застежку. Убедилась, что находке никуда не деться.

Девушка настолько устала от сегодняшних приключений, что рухнула на диванчик и уснула.

На рассвете она услышала хриловатый голос:

– Мадам, петушок пропел! Пейте чай и пойдём на дорогу.

Данила стоял над ней в шортах, глазки блестели.

Чай был травяной, горьковатый. Варенье яблочное. Не очень. Шарлотка сухая, невкусная.

Адель сделала несколько глотков.

– Нужно спешить. Не до еды.

Неумело собранные хозяином тюки с парашютами уже привязаны к велосипеду. Когда они поднялись из низинки повыше, смартфон Адели стал звонить, не переставая. О её состоянии спешили узнать аэроклубовцы, строительная фирма (не готовы ли документы к тендеру на мощение тротуарной плиткой и установку бордюров), мама, подруга Яна.

Машина за ней неслась.

Данила слушал, глаза горели.

Адель не заметила, как он исчез вместе с велосипедом, оставив тюки с парашютами на обочине.

Адель

Глава 2. Альпен

Горячий и сухой сентябрь тянулся бесконечно. Истощенные провалами и угрозами аграриев («Мать вашу, когда будут дожди? Как озимые сеять!»), пересветовские метеорологи дружно просились в отпуск. Мотивировали стрессами, выпавшими на их долю из-за погодных аномалий не одного этого года. Данные прошлых лет не помогали. Климатические зоны планеты перепутались. Метеорологам хотелось залезть под стол, когда радио торжествующе и с подтекстом произносило: «Сегодня, двадцатого сентября, в Сахаре выпал снег. На севере Германии жара упорно держится за плюс тридцать».

Газета «Твоё» печатала коллективное обращение специалистов по климату к властям. Они просили запретить исполнение песни Инны Анатольевны Гофф «Август» как не отвечающей реальностям природы и разжигающей вражду по профессиональному признаку. «Скоро осень, за окнами август. От дождя потемнели кусты...».

Где дожди?

Газета знакомила читателя с откликом клирика храма Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи, что в селе На Воздусях. «Климатознатцы! Предвидеть дождь Господь человеку не дал! Библию читайте! У Экклезиаста (6—11,12, сокращаю) ищите: «Наши ожидания от мира неопределенны и обманчивы... кто скажет человеку, что будет под солнцем?... Он сам не может предвидеть, никто другой не может предсказать, что будет... Никакие знания о будущем не будут ему даны...». Прогноз погоды – предсказание, язычники! Тьфу на вас».

В конце этого... спорного сентября, с дороги, ведущей от Пересветовска в малозаметную котловинку соскользнул мопед с высокой девушкой в пятнистой куртке. Низина, застроенная дачами, была пожалована в начале перестройки работягам огромного, ныне закрытого, алюминиевого завода. Выпускал завод фольгу, алюминиевые рамы, посуду и много чего еще. Заводское начальство котловинкой побрезговало, выбило себе участок получше, на водоразделе. С хорошей землей. Хорошей водой. Одного не учли – близость разоренной с закрытием совхоза деревни, тех самых Воздусей. Деревенский безработный мужик у нас, помимо прочего, – предприниматель и фрилансер. Бывшее заводское начальство стало догадываться, судьба его незавидна. Провода исчезали со столбов в течение суток после очередной навески. Как и колеса оставленных на ночь машин. Возроптали бывшие заводские управленцы, с завистью глядя на былых своих работяг.

В котловинке чернозема не было, только солончак – соленая черная глина. Вода в колодцах не очень хорошая. Сотовая связь не доставала. Зато были уединенность, отсутствие дополнительных соблазнов в виде деревенского магазина. Бывшие рабочие, одномоментно и не по своей воле ставшие пенсионерами, по улочкам непроизвольно строили домишки в порядке, в котором сами сидели на сборочных конвейерах: Вася за Ариной, та за Рудиком, следом торчали из солончака штакетнички Ирины Михайловны, Кашея, Кубика Рубика и Селиверстова. Дальше должен бы поселиться контролер и госприемщик Измаил Дмитриевич. Хороший человек, но – в девяносто втором подался в Израиль.

Не бывает в жизни ситуаций без плюсов. Раз попали в низину, то выкопали общий пруд. Года не прошло, завелся в паводковой воде весь среднерусский подводный мир – пиявки, лягушки, жуки-плавунцы, ужи, большой коллектив карасиков. Заинтересовалась прудом выхухоль, вывела потомство и исчезла.

Клочки солончака с домишками и чахлыми деревцами Адель не интересовали. Под взглядами хозяев она шла туда, где краснел высоченный забор из гофрированной жести с нависшими зелеными кронами яблонь. Калитка в стене заперта, звонка нет. Девушка попробовала ухватиться за его верх. Не тут-то было. Профлист острый, как сабля. Обойдя участок, Адель заметила старый лаз, словно бы собачий, наполовину осыпавшийся. Делать нечего.

Из рюкзака извлечен саперный нож-мультируль НС-2 славного орехово-зுவского завода. Клинок для кнопки коротковат, конечно. Через час кропотливой работы – яблоневые корни мешали, – она выбралась на нужную сторону. Осмотрелась.

Сад тих. Упавшие яблоки во множестве покрывали землю. Их никто не пытался собирать. Из мощной печной трубы над крышей дома валил серый дым. Запашок странноват, будто жги пластик.

Дверь ожидаемо заперта. Адель грохнула обоими кулаками по дверной стали и подождала. Отворили ей с некоторым промедлением. На пороге стоял хозяин с широко раскрытыми испуганными глазами. Всклокоченный, семейные трусы до колен. Босиком.

– Вы!?

Испуг, но и некоторое облегчение.

– Опять на мою голову. Что вы здесь делаете и как сюда попали.

Старик поводит взглядом, но нового парашюта на яблонях не разглядел.

– Как всегда, с неба, Даниил Егорович. Поговорить надо.

– А мне не надо. Сейчас оденусь, и тебя через калитку выведу.

– Не правда ваша, Даниил Егорович. В предбанник пустите, что-то важное скажу. А там и посмотрим.

Данила хмыкнул, оценивающе посмотрел на Адель – что будет, если такая здоровая дивчина да силу применит к старичку. Но – подался вовнутрь.

Так Адель снова попала на знакомую веранду.

Данила стоял, закрывая телом незапертую дверь, ведущую в дом, напряженный, страдающий.

Адель достала из рюкзака небольшой сверток, дернула верёвочку. Словно молния, метнулся оттуда к потолку белый воробушек, врезался в доску и застыл.

– У тебя мой альпен? – прошипел старец, с ненавистью глядя на гостью. – Утащила, когда я снимал с деревьев парашюты. Обворовать спасителя большой грех.

Адель отмахнулась.

– Вы почти уколошили меня. А если бы погубили и Яну, я была бы здесь с омонем. Вас бы судили как убийцу.

– Мне нужно посидеть... – сказал старик, опускаясь на диванчик.

Вид растерянный, маленькие глазки закрыты. Видно, готов заплакать. Да вдруг засмеялся.

– Ладно, поговорим. Давно с молодой не общался. То, что ты у меня... умыкнула, я называю альпеном. «Алюминиевая пена». Металл, вспененный водородом. Намного легче воздуха, вот и летает. В тот раз от меня смылись альпеновые обрезки, что были под потолком в зале (указал на дверь). Ветер сильный, через окно выдул. Вишь, какой результат... Посиди, я сейчас.

Данила протиснулся в полураскрытую дверь, ведущую в дом (стараясь, чтобы Адель ничего за ней не разглядела) и вернулся с кувшинчиком яблочного сока, вазочкой яблочного же варенья, сковородой с неразрезанной шарлоткой. Поднял кружку:

– Ну, за знакомство?

Адель слушала. Что-то прояснялось. Пока немного. Даниил Егорович все на том же заводе алюминиевых изделий был мастером плавильного оборудования. Металл в слитках приходил из Красноярска и Иркутска. Делом его участка были плавка и прокат – фольга, лист, «квадрат», труба. Заготовки шли дальше под прессы, на обрезку, сварку. В начале 90-х завод закрыли как нерентабельный. Коллектив рассредоточился по дачам. Он же какое-то время дорабатывал. Новые собственники резали остатки продукции, оборудование, годное в складских запасах на транспортабельные куски. Все везли за границу, в Венгрию, Австрию, Германию. Деньги оставались там же. Но и этому пришел конец. Разоренный полностью, завод встал окончательно.

Дачник Данила

Он бы пропал – сам в разводе, сын бедствует где-то на Дальнем Востоке. У дочери своя семья, не до нищего папы. Рассчитывать стоило только на себя. Тогда и записал он на последнем листе врученной ему после увольнения трудовой книжки, сразу за разделом «Информация о поощрениях» (много было почетных грамот и премий):

«Не полагаюсь на людей! На воду только обопрешься, В такие хляби окунешься! За что? Я вовсе не злодей. Не полагаюсь на людей!»

– Спасли гены, – смеялся Данила. – Предки были купцами первой гильдии, это помогло.

Он вскочил, забегал с кружкой по веранде. Адели он показался очень похожим на актера Льва Дурова, такой же шустрый дед.

Дело в том, что Данила был на заводе старожилом и помнил как в советские времена отходы производства, а также брак свозили в овраг за дальнюю лесополосу. Чтобы избежать хлопот с разделкой и утилизацией. Предприятию это было невыгодно, мешало «делать план». В перестройку завод с трудом выживал. Такая практика прекратилась. Старые отходы в овраге к тому времени завалило оползнями, поздним мусором, листьями.

Данила съездил туда на своей «копейке» и сразу же вытащил из глины двухметровую алюминиевую трубу килограммов в пятнадцать. Верные двадцать долларов! В рублях по действовавшему тогда курсу... может, лимон.

И началось! Работал ночами. Куски алюминия при перевозке на багажнике «копейки» маскировал брезентом. Когда в гараже набиралось тонны полторы металла (алюминий легкий, это полный грузовик), шел в транспортную контору, что участвовала в разорении завода. Пригодилось знакомство со средним ее звеном: полцены давали сразу на руки. Каждый раз с деньгами несся в обменник. Не поспешишь, завтра рубль провалится еще ниже. Провернул такое множество раз. Однако выследили, не понятно, кто. Когда однажды вновь подъехал к секретному месту, обнаружил в овраге крутящуюся «лопату» и рядом «Камаз». Серьезный человек спустился к нему со склона и вежливо попросил никогда больше здесь не появляться.

Да ради бога! Там мало что осталось.

У безработного одно, сомнительное, правда, богатство – свободное время. У Данилы были кое-какие идеи, с детства его преследовавшие. Теперь их можно было испытать. После недолгих размышлений он появился в низинке, выбрав самый крайний участок. «Алюминиевых» денег хватило на многое. Труд в середине девяностых мало что стоил. Люди за любое дело брались. Вот и возник этот дом. И забор вокруг. Картошка с её «жуком» и помидоры Данилу не интересовали. Сажены абрикосов сажал. Вымерзли в первый год. Тогда и покрыл свободное пространство яблонями. И не прогадал.

Адель слушала с интересом. Журналистская закваска в ней, несомненно, была.

Данила присел, отхлебнул сока, ненавязчиво положил ей руку на колено. В тот же момент рука улетела, приложившись по пути о столешницу с такой силой, что хозяин еще долго дул на пальцы. Восхищенно поглядывал на гостью.

– Не очень слабо? – участливо спросила Адель. – Не будьте стариком Козлодоевым. В следующий раз будет хуже.

– Вы слишком жестки. И всему свету разболтали об альпене?

– Вот тут, мистер Козлодоев ошибся. Дело было темное, неясное. Парашюты мои в аэроклубе списали: «порванные о деревья при экстремальном приземлении».

Данила кивнул.

– Редкое качество – молчание. Особенно у женщин. На гербе Толедо: «Callad!» (Молчи!). И – указательный палец поперек губ.

Адель хмыкнула.

– Чушь. Не знакомы вы с гербом Толедо. Может, у вас воспоминания от «Испанской баллады» Фейхтвангера? И где он только такое отыскал. У меня курсовая в университете была по Сервантесу. Дон Кихот из тех краев, Кастилии-Ла Манчи. Герб Толедо: двуглавый орел, два короля на тронах, золотой гранат... Вместо тронов могут быть колонны, увитые лентами, с подписями «plus», «ultra», т.е. «ещё», «больше».

Они проболтали до полночи, пока Данила не утомился и не исчез за стальной дверью со словами:

– Если дама пожелает, утром продолжим... пить сок. Яблок у меня много.

Всю ночь Адели слышались из-за стальной двери металлические звуки, вроде бы гаражные ворота открывали. Иногда и сквознячком тянуло...

Глава 3. «Летающий островок имени Лапуты»

Когда утром Адель проснулась, увидела Даниила Егоровича, скучавшего в дальнем углу с книжонкой. На столике перед ней еще дымились сковорода с шарлоткой и запеченными яблоками, стоял и знакомый кувшин с яблочным соком. Хозяин был хорошо выбрит, остатки волос расчесаны. Слабо пахло тройным одеколоном.

Адель

– Доброе утро! Поздравляю, – начал он. – Я всю ночь размышлял, но пришел к благожелательному для вас выводу...

Адель ничего особо не ожидала, но поблагодарила. Приказала:

– Выйдите. Мне нужно умыться.

Потом они ели остывшие печеные яблоки с шарлоткой. Хозяин вещал:

– На одних яблоках человек способен выжить! У де Костера Тиль Уленшпигель убеждает родных: «Разве о голоде говорят эти два мешка яблок?» И те соглашаются, прожить можно. В фильме дети рвутся в Ташкент: «Там хлеб, там яблоки!». Не колбаса, не арбузы, яблоки!

Тем не менее, завтрак получился легчайшим. Но вот Данила направился к стальной двери, торжественно распахнул ее. Посторонился, пропуская Адель.

Они очутились в большом двухсветном зале: перекрытия между мансардой и первым этажом не было. Неожиданно для наблюдателя, видевшего дом Данилы Егоровича только снаружи. По краям размещались верстаки, муфельные печи, насосы, газовые баллоны. На стенах – множество инструментов. Все аккуратно рассортированы. Центральную часть занимало сооружение странное, серое, в виде... колоссальной болотной кочки высотой от пола до крыши. Передняя сторона была пологой и, судя, по шарниру, могла наклоняться вниз и вверх, наподобие закрылков самолета. В задней стене намечалась выемка с двумя крупными пропеллерами.

Сходство с болотной кочкой усиливали неровности облицовки, пятнистость окраски, все в серых тонах.

– Это «ЛОЛА», – гордо, с ударением на «о» представил конструкцию Данила. – Сокращение от «**Летающий остров имени Лапута**»!

Так как реакция девушки не была достаточно эмоциональной, Данила спросил:

– Журналисты не читают Джонатана Свифта? Только про Лемюэля Гулливера среди лилипутиков?

Адель помнила третью главу из приключений Гулливера («Путешествие в Лапуту, Бальнибарби, Лаггнегг, Глаббдобдриб и Японию»), но общего между «кочкой» и Свифтом не видела.

– И к чему эта штука?

– «Лола» – действующий ночной корабль из альпена, вспененного водородом алюминия. У Свифта летучий остров Лапута почему летал? У него в основании был диск из алмаза со встроенным магнитом. Одинаковые полюса магнита отталкиваются. Остроумный, конечно, человек был Джонатанчик. Идея частично реализована в поездах на магнитной подвеске. Без всякого алмаза. «Лола» же летает, так как легче воздуха. Алюминия в ней немного, лишь бы водородные пузыри удерживать.

– Так это практически воздушный шар?

– Господь с вами, мадам! Воздушный шар это разогретый воздух, газовые горелки, балласт для экстренного подъема, полеты только по ветру. Персонал на земле для запуска и подбора аэронавтов. «Лола» автономна и самостоятельна, летит, куда велят пилоты.

Он засмеялся.

– То есть, мы с вами. Днем летать нельзя, люди увидят и... примут меры. Мало не будет. Но ночью «Лола» – императрица неба!

Стало интересней. Адель незаметно поставила в кармане диктофончик на запись, чтобы потом еще раз прослушать. Вот ведь сволочная журналистская закваска! Хозяин услышал короткий сигнал, выразительно глянул на собеседницу и продолжил.

– Многие любят золото, чилийцы и замбийцы поклоняются меди, юаровцы – платине. Да, дорогие они, эти металлы, аристократы. Алюминий – Гаврош перед ними. Легкий, но – не самый. Литий еще легче. Стойкий, если вести с ним прилично, и – нет его, если не уважить. Хочешь примерчик, Аделюшка?

Даниил Егорович показал блестящий алюминиевый прутик, тут же погрузил его в пузырек с жидкостью. Через мгновение металл извлечен, но – утративший блеск, посеревший, рассыпающийся на глазах. Серые чешуйки летели на пол. Секунды – прутика нет. На полу малая горстка душной пыли.

– Что это было? Что вы сделали?

– Не я. Азотная кислота, Аделюшка. Она съела тонюсенькую защитную пленку оксида алюминия, которая есть на самой надраенной до блеска посудине. Без нее алюминий стал соединяться с кислородом. А ты говоришь, «Лола» – воздушный шарик!

Девушке, конечно, не терпелось попасть вовнутрь «кочки», но хозяин, нудный как все увлеченные делом люди, паузу держал. Они долго бродили вдоль стен, осматривали неостывшую плавильную печь, к которой от большого насоса тянулись трубки. На огромном верстаке

трогали болты, удерживавшие от побега в форточку пластины альпена. Их Даниил Егорович соединял клеем собственной разработки. Интересны были летучие алюминиевые квадраты разного размера. Из них было легко собрать... например, ковер-самолет!

– Представь, Адель, идет бабуся домой с рынка, и на веревочке двумя пальцами ведет такой коврик с двумя мешками картошки, кулем муки...

– И дедом?

– Ну да, и своим дедом. Сверху сидит. Курит.

Терпеливый своего дождется! Они совершили полный обход зала и замерли перед носом «Лолы». Хозяин взялся за неприметный выступ, Большой кусок боковины без видимого усилия поднялся. За ним открылась... тесная каморка с топчанчиком.

– Словно мамин чулан... – ехидно подумала Адель.

– Вовсе нет! – возразил Данила, внимательно следивший за ее реакцией. – Перед вами, мадам, кабина наблюдения и управления «Лолой». Стемнеет, если будете хорошо себя вести, совершим первый совместный полёт. У меня он будет сорок третьим. А теперь пойдёмте сок пить.

Глава 4. Ночной вид через высокие заборы

– Ах, Адельюшка, как мы хорошо жили в Стране Советов, простые люди!

Адель хмыкнула.

– Нет, сама посуди, Достаток – у всех примерно одинаков, следовательно, зависти никакой. Хуже атомной бомбы – зависть. Большой злобы нет – поводов не хватало. Заборов не было. В городах и селах, скрывать людям друг от друга нечего. Телевиденье было добрее. Не как сейчас – каналы развлекают убийствами и канючат не переключаться, лишь бы рекламу проглотили. Гулять ночами – безопасно. О террористах, педофилах не слышали. Открытости, якобы, не было? В союзные министерства в Москве мог зайти с улицы любой, показав вахтеру паспорт. Сам ходил, технические вопросы были. А сейчас туда сунься! Машин у людей мало, общественный транспорт. О пробках не слышали. А какой был «Аэрофлот»? Летали между райцентрами! Самолеты не падали. Это частник-капиталист пытается их не обслуживать, детали не менять. Чтобы с прибылью – на Мальдивы. А в то время химичить бессмысленно – посадят, а прибыли при удаче никакой. . .

– Все, как в Северной Корее.

– Отмазка и незачет, мэм! Мы с вами там не были. Мерзость капитала в российском исполнении: на воле вся пакость, что есть в человеке. Хапок любой ценой! Максимум общественного достояния – только себе. А захваченное должно быть защищено. Поэтому строят заборы, а что поценнее толкают в оффшоры.

– Огорчения вашей нищей молодости, Даниил Егорович! Гляньте, как сейчас ломаются от прекрасных вещей магазины. Как стали одеты люди. . .

– Я вам о душе, вы о смартфонах! Самый новый айфон, большой автомобиль – счастье ненадолго: на смену идут еще лучшие смартфоны и автомобили. Значит, нужно успеть нарубить бабла до их появления. Соблазны, конечно, стимул, но и ловушка. Как и вообще потреблядство. У вас еще устаревающий гаджет работает, а вы из страха показаться нищесбродом тянетесь к следующему. Вы раб, вас поймали. И что с вашей душой? Кстати, будете без спроса и дальше записывать меня из кармана, я ваш гаджет отниму и выброшу!

– Вы? Отнимите? Силенок хватит?

Адель смущена. Слух у хозяина отменный.

Они беседовали у «Лолы» в ожидании полной темноты. В конце октября она наступает никак не раньше двадцати часов вечера. Но вот время, кажется, пришло. Стена дома раздвинута. «Островок» выплыл на страховочном тросе (чтобы «не сбежал») во двор, под неяркие звездочки позднего октября. Луна в первой четверти висит на фоне созвездия Козерога, рядом – красная капелька Марса. Оба небесных тела властвовали над низинкой и Даниловым яблоневым садом. И к ним сейчас добавится рукотворное третье.

Адель заскочила в «чуланчик» первой, плюхнулась на диван. Подала руку Даниле, для порядка при подъеме побрятевшему, как и положено старичку.

В кабинке нет ни освещения, ни приборов, ни руля. Впрочем, хозяин держался левой рукой за небольшой рычаг, видимо, джойстик. Начало подъема Адель не почувствовала и поняла, что «Лола» в полете, когда увидела далеко внизу два костра на берегу пруда – работы заводили сеть.

– Летим! До чего здорово! – восхитилась она.

Охнула – пола в кабинке нет. Вернее, он был, но совершенно прозрачный. Полное ощущение нереального зависания в воздухе. Парашютиста этим не напугать, но. . . прикольно.

– Пол, мадам, из плавленого корунда. Или, если хотите, глинозема, – скромно сказал Данила. – То-есть триоксида алюминия. Из него остекление кабин истребителей делают. Испек на старой, заводских времен, печи.

– Двигателя нет, а летим...

– Как без двигателя! Легонький электромоторчик, ты же видела пропеллеры. Секрет в батареях. Свинцовые аккумуляторы «лолочке» не поднять. Я готовился. В 90-е годы купил у морячков секцию легчайшей и мощной литиево-ионной батареи, со списанной атомной субмарины. Чертовое было время, зато все продавалось.

Адель спросила, куда они летят. Недалеко. Это обзорная экскурсия. Демонстрация «лолиных» возможностей. Потом, если они поймут друг друга, будут объекты серьёзней. Требующие неспешного философского рассмотрения.

Красноармейский шаг по уставу РККА – два метра в секунду. Семь с небольшим километров в час. «Лола» плыла по осеннему небу вдвое медленней, зато земных препятствий не знала и от красноармейцев непременно бы оторвалась.

Внизу светились огоньки деревень. Вспыхивали, меркли на ухабах проселков проблески автомобильных фар. В ночь воткнулась длинная световая стрела: к Пересветовску с юга подходил пассажирский состав.

«Лола» низко скользила над поймой Манки с ее лесками, болотцами, песчаными взгорками. Там и сям виднелись небольшие дачные островки, пять-шесть дворов, не больше, вряд ли легальные. Распахивать пойму нехорошо для реки, русло забивает сносимый ил, а также и опасно – когда-нибудь непременно случится экстремальный паводок и все снесет.

– Ну вот, первый интересный объект, – сказал шепотом Даниил Егорович.

Они парили над большим квадратом земли, прикрытым для наблюдателя с земли высоким забором. Соседей у участка не было, только старица Манки и болото. Площадь освещал большой костер посредине. Не было ни дома, ни палатки, ничего для жизни в поле, только навесы с длинными прядями чего-то.

К забору приткнулся «жигуленок» с прицепом, из-под откинутого тента которого подросток и трое детей поменьше попеременно извлекали груды длинных стеблей и несли на разделочный стол к мужчине и женщине. Те работали споро. Корни и мусор бросали в костер, прочее связывали пучками и помещали под навесы.

Дружная работа большой семьи.

– Что это они делают? – любопытствовала Адель.

– Понюхайте воздух и определите сами, мэм.

Дух горящих тряпок, шедший от костра, ни с чем не спутаешь. У Адели на курсе была пара мальчиков, покуривали. Пробовали и ее угощать.

– Конопля?

– Точно. Где-то у семейки плантация, но сушить там, видимо, не с руки. Слишком заметно. А здесь тишь да гладь

– Цыгане, что ли?

– Вы меня, мэм, пытаетесь подвести под статью о раздувании межэтнических противоречий. Ведь все записываете! Я не дух свят, понятия не имею. Каждый должен делать дело, я свое, полиция свое, вот пусть и ищет. Кстати, с дороги на Воздуси, на велосипеде ездил, эта делянка хорошо выделяется: большая, давно обнесена глухим забором, а жилья не возводят. Не странно ли? Но почему-то никому не интересно.

– Ну, так написали бы сами в полицию!

– Я тебе уже сказал, не моё это.

– Неужели они нас не видят? Мы так близко.

– Не видят, конечно. А то, не дай Бог, выстрелили. Их слепит собственный костер. Над ними чернота.

Однако какие-то звуки от «Лолы» до земли, кажется, доходили. Сначала женщина, а потом и мужчина стали посматривать вверх. Данила решил, что лучше держаться от греха подальше, и повел «Лолу» прочь.

Теперь они скользили над верхушками сосен и дубов заповедного Пересветовского леса. Здесь были глубокие лесные овраги и деревья-гиганты, которые было опасно облетать сверху, Даниил Егорович изо всех сил всматривался в темноту. «Лола» как раз пыталась обойти гигантскую сосну высотой почти с пятнадцатипятиэтажный дом.

– Такая, мадам, в случае коллизии, столкнемся если, нас, сто процентов, погубит. У Вересина, пересветовский профессор-лесовод, читал: лесник-нигилист не верил, что дерево у нас может быть за сорок метров высотой. Чай, Черноземье не Борнео и не Бразилия. Нарочно стал в сорока метрах от сосны, которую спиливали, и – погиб, когда дерево упало! В сосне оказалось сорок два с половиной метра. Для нас урок

Лесистая пойма Манки поблескивала запятыми стариц, круглыми, как монетки, озерцами. Даже на высоте пахло застойной осенней водой, прелой травой, грибами. Данила частенько посматривал на навигатор, закрепленные на руке. Были там и другие приборчики, но Адель опознала только дозиметр, измеряющий радиоактивность.

Кажется, прилетели. В лесной чаще за могучим забором видна обширная поляна с редко разбросанными плакучими деревьями. У центрального самого раскидистого, шевелились, переступая, три существа: немислимой длины шеи, по четверке маленьких рожек, длинные-предлинные языки. Пока бесшумная «Лола» была еще далеко, троица неспешно обедала большие шары, как оказалось, из веток акации, искусно укрепленные в кроне толи мертвого, толи уже облетевшего дерева. Как эти «ведьмины метлы» туда попали, стало понятно, когда экипаж «Лолы» разглядел автомобиль-вышку, по виду, «Дэу», стоящую у домика. Там, предположительно, жили люди, обслуживающие необычную троицу.

– Жирафы всему предпочитают акацию. В лесу ее полно. Видно, ребята днем ездят, нарезают веники, а потом вышкой развешивают по деревьям. Жирафу трудно есть траву, при росте в шесть метров.

– Обалдеть! – прошептала Адель. – Кто же их хозяева? В зоопарке Пересветовска таких зверей нет.

– Большие и очень скрытные люди. С возможностями прятать свое обалденное хобби в центре биосферного заповедника. Можно представить, какие тут бабки в ходу.

До крайнего жирафа было не больше 3 метров. Хорошо были видны маленькие ушки, внимательные глаза с густыми ресницами. Все трое перестали есть, выстроились в ряд и смотрели на «Лолу».

– Какое зрение! – восхитилась девушка. – Видят в такую темень.

Внезапно ближнее животное встало на дыбы, вскинуло передние ноги и прыгнуло в их сторону. К счастью, неудачно. До «Лолы» ему оставалось совсем ничего.

– Да он нас чуть не убил! Таким приемом жирафы в Африке львов превращают в лепешку, а уж нашу алюминиевую вату...

«Лола» удалилась от жирафов. Экипаж перевел дух.

– Как-то они внезапно... Без криков и предупреждений.

– Незачет, Адель! Они в шоке от нас. Ты посмотри!

Данила показал свою «приборную» руку, где среди прочих датчиков нашлось место и для маленького звукомера-сонометра. Возле цифры «двадцать» билась зеленая индикаторная черточка.

– Жирафы изрычались на нас. Просто их голоса за пределами восприятия. Что ты хочешь, у их звуков частота двадцать герц, у человека – от ста шестидесяти пяти...

«Лола» отплыла подальше вглубь леса. Экипаж перевел дух.

– Я бы сейчас съела чего-нибудь, – объявила Адель.

Данила порывлся в бездонных карманах и протянул большое яблоко.

Девушка вздохнула, ей бы больше подошел бутерброд с колбаской.

– До дизентерии доведете.

Но взяла.

– Мытое, – отозвался Данила.

«Лола» неспешно плыла в свою низинку.

– Чьими могли бы быть жирафы?

– Понятия не имею. Знать не хочу. А также, наплевать...

– Иметь в собственности такое стадо... прикольно, – у Адели горели глаза (ох, уж эти нам журналисты!). – Очень дорого. Заготовителям акациевых веников платить. Вышка «Дэу». Связи с заповедником... И за молчание платить. Как их в заповедник пустили?

«Лолу» поставили в стойло. Трудовая ночь завершилась.

– Мне понравилось. – строго сказала Адель. – Вы, Данила, не знаете, что являетесь уникальным «дитѐм индиго». Вернее, их предвестником, «дедом-индиго». По признакам: живите один, к людям не лезете. Подвижны и предприимчивы. Разработали и построили «Лолу», в полной скрытности. То есть, не нужен пиар. Хвалиться, патентовать свои изобретения не собираетесь. Невероятный случай. А вот что для ваших лет нетипично, но характерно для современных детей. Незаметно, без усилий, естественным путем освоили сенсорные экраны и всю компьютерную муть. Плюс ваша яблочная диета крайне странна, что позволяет предполагать и необычность вашего ДНК... Итог, дед индиго!

– Если бы я что-то ляпнул о «Лоле» и альпене, меня бы давно убрали отсюда... – пожал плечами Данила. – А может, и с поверхности Земли. Люди шалунов не переносят.

Адель подошла к сконфуженному старику и поцеловала его. Так и осталось неясным, слышал ли Данила о книге Ли Карролла и Яна Тоубера «Дети индиго: появление новых детей». В ней появление нового компьютерного подвида Гомо Сапиенс объяснено «отбросовой пищей» (гамбургеры, чизкейки и прочий фаст-фуд). У молодежи теперь отличная от нашей «новая печень» и прочие наследуемые генетические изменения.

Утро. Они лежали на Даниловом ложе из оленьих шкур, прикрытых серебристым одеяльником. Адель встала, походила вокруг «Лолы», посмотрелась в обломок трюмо, прибитый в межоконном проеме. Внезапно, вспыхнув, она подошла к мирно сидевшему и потерявшему бдительность хозяину. Прямой короткий удар пришелся ему в лицо. Из Данилиного носа засочилась кровь.

– Какой же вы, старик Козлодоев, извращенец! Это вам, сами знаете, за что.

Данила смолчал, держался за нос.

Секундный гнев Адели развеялся. Она намочила полотенце и стала осторожно, жалостливо приговаривая, обтирать рану. Хозяин терпел, морщился, но, судя по кривоватой улыбке, дальнейших наказаний не ожидал.

– У нас революционная свадьба, революционная свадьба... – всхлипывал Данила.

– Что вы там бормочите, старичок индиго?

Оказалось, в Великую французскую революцию парижане ездили карать крестьянскую Бретань за поддержку аристократов. Они связывали на баржах одной веревкой юных девушек со старцами. Баржи топили посредине Луары.

– Все, как у нас, по разности годков. Спасибо, в пруд не бросили.

– Да ладно, не сдержалась.

Первое ночное путешествие «Лолы» с Аделью имело интересные последствия. Пересветовская газета «Твоѐ» напечатала репортаж неизвестного автора о небывалых приобретениях местного биосферного заповедника с заголовком:

«Жирафы захватывают Центральную Россию».

«Твоѐ» – издание с желтизной, попрекаемое за недостаточную проверку фактов, скандальность. Впрочем, были и те, кто ценил отвагу редакции, способность рискнуть, пойти против начальства, что в провинции, где верхи монолитны, большая редкость.

Статья некого Антона Верхогляда (псевдоним?), посланная со смартфона, была иллюстрирована несколькими фото гигантских зверей, мирно объедающих деревья или в атакующей позе. Все сошло бы за розыгрыш, не стой позади жирафов легко узнаваемые родные пересветовские сосны. Эксперты редакции в один голос заявили: не фотошоп.

На запрос «Твоё» по поводу жирафов директор заповедника ответил, что ничего не знает, так как не был на работе два месяца по причине обострения проблемы с седалищным нервом. Выйдет через месяц-другой, разберется. Его рядовые сотрудники фыркали, от посланца редакции отворачивались. В ответе на вопрос, куда делись верхи и скелетные ветви вековой акациевой аллеи имени профессора Пржижемского (посадки 1898 г.) в Нижних Воздухах, ссылались на засушливое лето и сонмы вредителей.

Но, как водится, в рядах мастеров мониторинга окружающей среды, футболивших корреспондента, нашелся свой скэб. Он-то и поведал расследователю о прибывшем на станцию Герцогская несколько месяцев назад таинственном двухэтажном вагоне. Его обитатели (сам он их не видел, но точно живые существа) проследовали в центр заповедника ночью. Местные егеря тогда долго судили, что за странные крупные звери прошли по грунтовой Осевой дороге. Ясно, парнокопытные (но не зубры, бараны, олени), ясно, иноходцы, раз попеременно выбрасывали сначала левые, а потом правые ноги (но не лошади)...

Так у сыщика из «Твоё» появились примерная дата появления зверушек. Ключевую информацию стоило поискать на грузовой станции. И она нашлась: накладные, как и рукописи, не горят! Да, три жирафа проследовали в спецвагоне от Таганрогского морского торгового порта на Азове до станции Герцогской. Получатель груза: г-н А. А. Вертолетов.

Приехали! Александр Арнольдович Вертолетов – действующий первый заместитель главного архитектора Пересветовска. Уважаемая персона, сделавшая немало для жителей города (бордюры, тротуары из плитки, фонтаны, пандусы). Правда, злые языки отмечали, что как только утверждались новые объекты, заказы на плитку и бордюрный камень непременно получали вновь созданные фирмы деток Александра Арнольдовича – юных Вертолѐтовых. При этом тендеры проводились без сучка и задоринки. Фирмы, на которых работала Адель, всегда пролетали.

Данные, относящиеся к загадке жирафов, накапливались. Оказалось, Александр Арнольдович входил в Пересветовскую делегацию, посетившую в прошлом году с ответным визитом Уганду. В Кампале гости удостоились аудиенции самого бессменного президента страны Йовери Кагута Мусевени. Его Высокопревосходительство соизволили осмотреть привезенную выставку товаров и возможностей Пересветовской области. Станки, самолеты, ракеты и стальные мосты в макетах и на фото президента не заинтересовали (китайцы ему подобное уже показывали), зато восхитили: подсолнечное масло, пшеница, сахарный песок, сгущенное молоко. Пересветовск и Кампала были немедленно провозглашены городами-побратимами. Его превосходительство в знак дружбы подарили зоопарку русского города трех жирафов. Угандийская сторона их отправит через порт Момбаса до Таганрога. Дальше о них заботятся пересветовцы.

Такая операция стоит больших денег, но нужных сумм, редакция проверила, через бюджет города не проводили. Городская дума их не утверждала. Так кто же и зачем оплатил двухэтажный вагон от Таганрога и жизнь жирафов в заповеднике? Отчего тайно? Направлены ли в Кампалу сведения о благополучном приезде зверушек? Ведь мы вежливые люди, это наш национальный бренд.

Публикация столь проблемного материала, затронувшего каждого (кто в России не любит жирафов?) вызвала взрывной резонанс. Редакционный сайт пользовался бешеной популярностью. Читатели хотели разъяснений лично от г-на Вертолѐтова, но он, как назло, стал не доступен. И вроде бы тоже из-за проблемы с седалищным нервом.

Прозвучало и вообще ничем не подтвержденное, но коварное предположение одного нехорошего читателя: может быть, господин Вертолѐтов просто украл животинки у города для элементарной перепродажи. Этот подозрительный товарищ сообщал, что ординарный жираф в Техасе, где приветствуется торговля таким товаром, стоит от двадцати пяти до тридцати пяти тысяч зелеными. Но это ординарный. Нам их превосходительство Й. К. Мусевени не мог подарить ординарных зверей. Ценные же экземпляры этого вида оценивают и в сто тысяч долларов. Следовательно, масштабы предполагаемых хищений могут достигать трехсот тысяч баксов!

А как перед побратимом Кампалой неудобно! Приедет от них делегация, привезет акации зверушек угостить, а их... нема.

Глава 5. «ЛЮЛА» готовится

Слухи о пересветовских чудесах дошли до столицы. Оппозиционный канал «Снег и град» в популярном ток-шоу «Dorey Yourself!» представил всю историю как яркий пример бессмысленности, антинародности и преступности кровавого режима – «Жирафогейт».

О, великий и могучий английский язык, коварный, как души англосаксов! В нем есть слова с семидесятью значениями (омонимы). Множество и тех, что звучат одинаково, но пишутся отлично (омофоны). Поэтому перевод всегда может быть оспорен, иной раз, невозможен. Вся Россия много лет безуспешно переводит загадочное «Pussy Riot». Варианты мечутся между «Бунтом кисок» и «Буйством влагалищ». Президент спросил, сам слышал, у американских журналистов, что они в этом словосочетании слышат. Каков правильный перевод? А те не знали. Тайна того, кто в английский вариант что-то зашифровал. Верзилина, может быть.

То же и с «Dorey Yourself!». Автору больше нравится собственная интерпретация: «Сам дурак!». При том, что допустимы иные. Настаивать автор не будет.

Из Пересветовска на передачу пригласили двух закаленных борцов с системой, оба со светлыми лицами, Хризолитова и Апельсиненко.

У Станислава Хризолитова золотистые глаза, орлиный профиль, что при сутулых плечах смотрелось угрожающе. Гриф, и только. Он и был им, бывший завкафедрой ядерной физики ПГУ, добившийся в свое время запрета почти готовой великой стройки СССР – Пересветовской атомной станции теплоснабжения. Не слабо для ядерщика уничтожить, а не улучшить, закрыть, а не расширить почти готовый величественный объект? С уже уложенными трубами диаметром по полтора метра (по ним в город должна нестись почти бесплатная горячая вода). Закрывал расчетливо, на референдуме. Помогла поддержка простофиль и упоение безнаказанностью. Шутили: «Ты, Стас, двинь на референдум вопрос, действительно ли у Пифагора штаны на все стороны равны». И если народ решит, что быть того не может, то геометрию запретим. Он бы и двинул, но польза от того ему какая? В итоге безработными стали тысячи жителей атомного поселка, а золотистоглазый ушел депутатом в Госдуму.

Чтобы вы сказали о шофере, выступающим за всеобщий переход на гужевой транспорт? Ведь тот безопасней. О летчике, доказавшем, что небо слишком рискованная среда, чтобы в нее забираться? О геологе, который не хочет идти через тайгу, потому что там комары, медведи, скользкие камни?

А физику-ядерщику диверсия вышла с прибылью. Святые девяностые, время такое.

Панас Апельсиненко колоритнее Стасика: копна седых взволнованных волос, большой, несколько набок, курносый нос, широкие щеки в плотной седой щетине. Глазки мелковаты для столь пространственного лица, зато синие и безмятежные. Он признанный вождь движения «Пересветовск против кобальта!», в котором, сам однажды пересчитал пикетчиков, семнадцать персон со светлыми лицами. Ранняя, но вполне дуплистая поросль светлолицых лжецов. В стрессовых ситуациях их число достигает сотен. В этом случае они и оппонентов способны отлупить. Персоны выступают в том же составе не только против кобальта, но и любых инициатив властей: строительства дорог (леса погибнут), мусорных полигонов (воздух портят), линий электропередач (ландшафт испортят). Впрочем, почему не договориться? Платите, и делайте с природой, что хотите.

Руды с кобальтом точно есть в пересветовских недрах, на глубине четыреста метров. Запасы не ясны, надо подсчитать. Руду из шахты (поверхность не пострадает) повезут на уральский завод. Местные получают рабочие места. Персоны: «Не надо! Вредно природе и людям!». А слышится: «Не нужны простофилям ни бесплатная горячая вода зимой, ни рабочие места. Ждите! Скоро настоящие хозяева придут и укажут... ваше место».

Первым выступал Панас. Сцепив пальцы на немалом животе, он, глядя в камеру, произнес, обращаясь через пространство к отсутствующему в студии большому Вертолетову:

– Александр Арнольдович, неужели вы осмелились отжать жирафов у Пересветовских детей!?

На этом месте Данила Егорович рассмеялся и выключил комп. То, что последует, ему было очевидно в деталях.

Адель подкралась со спины и больно укусила старца за ухо острыми зубками.

– Ай! – сказал Данила, чтобы сделать даме приятно. Он-то помнил, что и Том Сойер тоже любил во время богослужения воткнуть иголку в спину впереди сидящего мальчика с этой же целью.

– Пудинг готов! Иди, мой руки.

Данила поплелся к рукомойнику.

– Подлое было время, – сказал он, вытираясь старым пододеяльником, глядя на выключенный компьютер. – Стас и Панас, словно плохая отрыжка из девяностых. Почти добились они тогда нас. Народ наш им попался – добрый, жалостливый, оттого беззащитный. Этим воспользовались. Ведь мир спасали как никто в истории! Болгар, армян, сербов, вьетнамцев, арабов. А себя чуть не потеряли.

Адель резала пудинг, раскладывала по тарелкам.

– Тогда нас дурили не одни собственные хитрецы, – Данила не мог остановиться. – Тогда радиостанция «Маяк» каждый день в девять вечера передавала музыку Сёко Асахары, бандита и великого отравителя. Чушь несли в наши уши: «При повторении мантры номер двести пять, подтверждают врачи, улучшается давление, меняется частота пульса, трансформируется зрение». Потом «Маяк» оправдывался: от нищеты бандитов пустили в эфир. При этом радиостанция не закрылась, даже названия не сменила. А Асахару и его ребят японцы повесили.

Засмеялся:

– Помнишь, у Блока о нас, России: «Пускай заманит и обманет, Не пропадешь, Не сгинешь ты, И лишь забота затуманит Твои прекрасные черты». Кажется, мы не сгнули.

Шевельнул вилкой яблочный пудинг. Попробовал.

– Чудо. Вот ты зачем выходила! Сегодня четверг. Из Воздусей возят творог и яйца. У Степана брала?

– Он еще спросил, откуда у Данилы Егоровича такая молодка. Точно не дочка.

– А ты?

– Пропустила мимо ушей.

– Правильно. Как там у нас в Толедо – Callad? Молчим!

Потом Данила долго еще клеил на верстаке пластинки альпена. Края листов придавлены гантелями, не улетели бы. Адель неподалеку что-то набирала на смартфоне. «Лолин» аккумулятор мирно заряжался от мощного выпрямителя.

В Пересветовске в это время происходили драматические события. Руководство местного отделения партии «Единое Отечество» добилось-таки прихода своего верного коллеги Вертолѐтова на открытое заседание в присутствии прессы – близилась выборы мэра города, за ними губернаторские. «Жирафогейт» партии никак не нужен. Александр Арнольдович красиво подъехал к зданию в машине «скорой помощи», в которой всю дорогу стоял, чем подтвердил диагноз постигшего его воспаления седалищного нерва. Из автомобиля медики вывели архитектора по проложенным доскам, эффектно вошли с ним в зал заседаний, чем уязвили особо въедливых журналист.

Выступление Вертолѐтова перед сотоварищами продумано и аргументировано. Из папки извлекались и тут же прятались бумаги, которые никто не успевал рассмотреть. Получилось, что да, его превосходительство Йовери Кагута Мусевени жирафиков в Таганрог отправил. Прибыли они в порт никому не нужные, голодные, без сопровождения от города. Случайно он

увидел информацию об этом в мэрии Пересветовска и равнодушным не остался. Проводить кормление, перевозку через городские сметы – большая канитель. И зверушки сдохнут. Вот и решил из жалости вмешаться кровными. Думал перевести, подлечить и – подарить Пересветовску в День города! Должен был быть сюрприз. И зачем поднят шум в желтой прессе, местной и столичной?

Вопросов было много, но от них Вертолётов отбивался шутя.

– День города в сентябре уже прошел, отчего подарок не сделан?

– Да потому, что никто и не говорил именно об *этом* Дне, будет и следующий. Надо дать зверушкам акклиматизироваться.

– Связаны ли вандализм в отношении вековой акациевой аллеи имени профессора Пржижемского в Нижних Воздусях, в которой порубили все верхние ветви, и необходимость кормить жирафов в заповеднике?

– Бред! Но можно проверить исполнителей.

Общую позитивную картину подпортил мрачный сотрудник «Твое», попросивший прокомментировать объявления о продаже трех жирафов в газетах Нового Уренгоя, Нижневартовска и Комсомольска-на-Амуре. Потенциальным покупателям предлагали обращаться на безымянные телефоны и в неизвестную фирму.

– Не ваша фирма, господин Вертолетов?

– Не моя! Докажите обратное.

В итоге все поздравили Александра Арнольдовича с воскресением, обошлось без строгача с занесением. И как не радоваться? Коллега шикарно оправдался. Жирафы вскоре переедут в городской зоопарк, станут на довольствие. Экономия в городском бюджете возникла за счет щедрости Вертолетова. Транспортные расходы ему возвращать не будут.

Домой Вертолетов ехал без помощи медиков, на «Maserati Quattroporte» заехавшего за ним сына. Читатель, если тебе такой «мазерати» на жизненном пути попадется, бери, не задумываясь – пятьсот тридцать лошадей при цене меньше десяти лимонов! У подъезда своей «хрущобы» на ночь не оставляй – поцарапают или, не ровен час, подожгут. Сам знаешь, сколько сейчас неадекватов, всяких там фриков, гиков, нердов, допи. А я и веганам не вполне доверяю, странные они.

Седалищный нерв у Вертолетова благополучно отпустило.

Глава 6. Тѐплые спальные ямы

– Данила Егорыч, что за кучки мерцающих огоньков над Доном?
– Это не спят Яа, Ык, Тя, Ку и Ге. Здоровые парни. Охраняют поселок. От пещерных львов. Чужаков с Нижней реки...

– Бредишь, Данила?

– А знаешь, Алелюшка, что под нами? Костѐнки! А знаешь, какой сейчас годик? Сороковое тысячелетие от рождества Христова. Так что мы там.

Адель поняла. Будет сказка. Она прикрыла глаза и уткнулась в нехилое плечо командора, пахнущее яблоками.

Утром Яа с больной ногой не взяли в загонный отряд, За Сизым оврагом дальние стражи заметили молодую мамонтиху с совсем крошечным мамонтѐнком. Мамонты неопытные и, видимо, дальние, иначе не подошли бы столь близко к посѐлку. Может быть, заблудились и отбились от стада. Загонщики, помимо копий с кремневыми наконечниками, взяли колотушки и выкрашенные красной охрой олени шкуры. Размахивая ими, будут подгонять маленькое стадо к обрыву и охотничьим ямам. Пока те, окончательно запуганные, не сорвутся вниз. Хорошо, что с ними нет самца. Тот, массой тонн в пять, и на прорыв может пойти, раздавить словно земляничины, загонщиков тумбами ног. Не говоря о трехметровых бивнях, от которых настигнутому спасения нет.

Если у загонщиков получится удачно, к туше выдвинутся разделщики-отвальщики, женщины. Те точно знают, что к чему. Что будет съедаться первым, так как быстро портится, а что и месяц полежит в донской проточной воде. И только мощная Ань, матриарх и глава поселения, знает, кто и сколько получит свежачка. И получит ли. Она тоже ушла с загонщиками, что говорит о важности события и, косвенно, о скудности оставшихся запасов.

Солнышко светит. Меловые откосы сияют. Ели до неба. Клюквенные болотца. Поздний палеолит. Жизнь прекрасна! Что там, у старого воина Николая Ивановича Воробьева?

Я травинку растѐр
В онемевшей руке,
Посмотрел на костѐр,
Поклонился реке.
Жизнь! О, жизнь!
От зари, от луны, от костра
Свет нам ночью дари,
Чтоб дожить до утра!

В посѐлке за «верстаками» немилосердно стучали каменными молотками мастера-оружейники. Верстаки – деревянные колоды с щелями разной ширины. В них вставлены куски кремня-нуклеусы. Если отбить все лишнее, получатся топоры, молотки, колотушки, наконечники копий и дротиков, грубые и тонкие скребки для выделки шкур. Все – в личный арсенал Матриарха. Будет использовано во благо роду, на охоте и в хозяйстве. Что-то пойдет на обмен с чужаками Нижней реки. Если к оружейниками правильно подойти, они в рабочее время из общественного сырья просителю, что угодно сделают. Хотите замечательный кремневый нож? Особо удобный каменный топор? Это не приветствуется, но коррупцию, слава Богу, в позднем палеолите пока никто не отменил. Главное, Матриарху не попасться. Ань строга и не милостлива. Если заметит, у всех... будут проблемы.

Яа от оружейников ничего не надо. Он и сам парень не промах. Сидит пока. Ждет.

Вот из своей спальной ямы, над которой высоченный командирский шалаш, выбралась, наконец, красotka Айя, матриархова дочка. Да, хороша. Тонкая талия. Ростом не ниже Яа. Грудь! Мощная, полная жизненных соков. А как ей идет прическа. Аккуратно подбиты красивые пепельные волосы. Наш современник бы увидел в ней сходство с Мирей Матье. Мама дочку любит и бережет. Девочке двенадцать лет, но поклонников нет. Не подпускают, держат в трепете.

Яа однажды, когда Матриарха в поселении не было, улучил момент и показал Айя свой аккуратный шалашик. Вместе заглянули в его уютную спальную яму, выстланную мягкими свежими шкурами. Их Яа сам выделал, удалив шерсть. Такие немного в поселке. Труд долгий. Терпения требует. Большинству того не надо. Ходят в белесых оленьих волосах.

Да, яма хорошая, но для одного великовата. Для двоих – в самый раз. Главное, что девушка увидела в прошлый раз, была вырезанная Яа из мамонтового бивня статуэтка размером в ладонь. В ней без труда каждый узнал бы Матриарха. Её Яа сделал, когда Матриарх была в положении, родив сестренку Айи. К сожалению, малышка не окрепла, простудилась. Так часто случается с детьми, появившимися поздней осенью, До весны не дожила. Теперь Яа хотел спросить у девушки, не откажется ли мать принять запоздалый подарок. Не огорчат ли ее воспоминания. Подарить желательно к хорошему случаю. Например, после удачной охоты. Может, сегодня, если у загонщиков все получится?

– А вот это только тебе, Айя. Узнаешь?

Яа протянул девушке другую статуэтку собственной работы. Поменьше. Смотрел, не отводя от нее глаз. И вдруг из его груди полились трели, которые не ждал. Звенело нараспев:

Айя, ыйя, ойя,
Яа, ыйя, о!
Айя, Яа, ыйя, яйя, о!

Айя смущена, очарована. Но до чего хороша! Как богато одета. Ожерелье и подвески из сверленных цветных камешков, морских раковин, кусочков желтых белемнитов. Рассмотрела подаренную Яа фигурку. Поняла: это она!

Топот тяжелых ног. Загонщики возвращались. Им не повезло. Добыли мамонтенка. Потеряли двоих охотников. Мамонтиха оказалась той ещё... лисой! Вместо того, чтобы, как делают другие слоны, пятиться с детенышем по меловому мысу к обрыву и ямам-ловушкам, она пошла на прорыв. Не сдержали её крашенные красной охрой оленьи шкуры, от которых шарахались волки и пещерные львы. Двое мужчин, пытавшихся преградить путь копьями, разъяренная мамонтиха весом в полторы тонны просто расплющила. И ушла! Но, может быть, еще вернется к месту, где оставила дитя. Наблюдатели ждут.

– Почему мамонтиха не боялась красного?

– Наверное, у неё был дальтонизм. Не различала цветов. Звери этим тоже страдают. Не перебивай.

Матриарх в ярости. Рыкнула на Айю. С подозрением глянула на больную ногу Яа. Девушка скрылась в мамином шалаше. За ней проследовала матриарх. Вышла тут же с внушительным суковатым дрыном, уважительно именуемым «укоризной». Заметив «укоризну», старики-оружейники активней застучали каменными молотками, ниже согнулись над верстаками-колодами. Матриарха не провести. Понюхала чуткими ноздрями воздух – не баловался ли кто без нее мухомором. Наметанным взглядом оценила число нуклеусов-кремневых заготовок, горку отщепов, наработанную за день. Ей ясно, как минимум, два изделия на выкладке готовой продукции не представлены. Куда-то «ушли»?

У костѐнковцев нет своего кремня. Его выменивают за мясо и шкуры у соседей с Нижней реки. Там из-под воды торчит «камень-блескунчик» (гранит), попрочнее топоров из кремня.

В дело не идет. Технологии пока не позволяют. Кремневые стяжения обильны в псичем мелу и только над «блескунчиком». Их «нижние» собирают, продают «костенковцам». Запросы немислимые: вес кремня против восьми весов мяса! Или двенадцати весов рыбы! Это справедливо? Монополизм. Обдираловка. С «нижними» бы разобраться, да кто знает, сколько их. И как они в бою.

Матриарх неслабо прошлась «укоризной» по шеям и спинам четырех оружейников. Старики терпели, прикидывая, ограничится ли матриарх такой расправой или вечером у них будут проблемы с едой. Не досталось только молодому Гаа, который недавно изложил матриарху собственную идею пращи. Круглое стяжение серного колчедана, которых в псичем мелу у Костенок немало, Гаа обвязал оленьем сухожилием. Раскрутив конструкцию над головой, он метнул увесистый снаряд на сто шагов и пробил на вылет рогожку, плетение из стеблей камышарогоза. Это втрое дальше броска копья с каменным наконечником самым сильным мужчиной. Гаа продемонстрировал и поселянам новое оружие, прилюдно запустив камень в летящую воронью стаю. Две птицы сбиты. Несомненное ноу-хау со значительными перспективами! Были осложнения. При испытаниях камень оторвался от перевязки и угодил в жилой шалаш, прорвав стенку из шкур. К счастью, никого не убило.

– Данила, к черту оружейников! Совсем заврался, друг мой.

Адель нетерпеливо дернула командора за рукав.

– Давай дальше про Айя и Яа.

– Хорошо. Знаешь, Адельюшка, что такое «промискуитет» применительно к древним обществам? Будто бы были времена, когда все дамы были общими. Надежных примеров нет. Указывают на бесписьменное прошлое. То есть на непроверяемое. Врут, Адель! Не было такого. Всегда были между мужчиной и женщиной предпочтения и любовь. Иначе к чему у дам в палеолите все эти украшения, краски, как в современной косметичке, если нет конкуренции, попыток завоевать любимого?

– Не отвлекайся. Давай про Айя и Яа!

– Ну... Что сказать. У матриарха в Костенках под «укоризной» было человек четвереста. Соединиться молодым при столь суровой маме можно, например, побегом из поселения к чужакам, на Нижнюю реку... Но лучше бы свой статус утратить среди своих. Дома.

– Вот! Давай про Нижнюю реку!

– Да. Но то большая история... Раз настаиваешь...

В далекие семидесятые годы Данила, мастер-металлург Алюминиевого завода, довольно близко познакомился с профессором Евсеем Моисеевичем Перпендикулярным. Что общего могло быть у молодого (тогда) металлурга и старого геолога из Пересветовского университета? Правильно, профессорские рассыпающиеся от непосильных нагрузок «Жигули». Прицеп геологу для вывоза находок из поля в город был нужен, а в продаже его не найти. Данила-мастер склепал профессору Евсею замечательную прочную и легкую конструкцию из дюралевого уголка и нескольких листов алюминия. Ось и колеса от «Опель-Кадета» тридцать четвертого года выпуска нашли на авторынке. Обошлись они недешево, в пять бутылок «Солнцедара», по рублю и пять копеек каждая. Это вино возили из солнечного Алжира в Новороссийск танкерами, где разливали по бутылкам, которые народ называл «огнетушителями». Так молодое государство расплачивалось с СССР за оружие. И присказка была: «Не теряйте время даром, заправляйтесь солнцедаром».

Это попутные мелочи. Главное, зачем был нужен прицеп?

Оказалось, когда строили Гранитный ГОК на реке Гаврило, что ниже Костенок на Дону, Перпендикулярный наткнулся на пласт из песка и глины, переполненный костями древних животных. Поздние мамонты, носороги, длиннорogie зубры, пещерные львы. Встретил Евсей Моисеевич и челюсть редкостного альпийского слона. Описания с удовольствием печатали в СССР и за границей.

Жил Перпендикуляр в собственных «жигулях» на краю ржаного поля. Тогда это было безопасно. Варил дважды в день на бензиновом примусе «молодильную кашу» (так на Руси звали варево из зеленой ржи), грузил в прицеп, слепленный Данилой из пустяков, огромные кости. Коричневые шли из песка, белесые и зеленоватые – из глины. Чтобы не пропустить ничего, сидел днями у шагающих экскаваторов, «выпасал» своих зверей. Чтобы рабочие не вредничали и не спускали в отвал находки, покупал им ежедневно в сельмаге по паре «огнетушителей» с «солнцедаром». Начальство карьерное его не любило. Опасались, из-за раскопок могут добычу гранита приостановить. Удивительное дело, но местный райком партии в Петровске против ожиданий поддерживал профессора. Велел добытчикам гранита ему не мешать. Значит, было бескорыстное уважение к науке, ныне утерянное. Особенно к тем разделам, которые дают, конечно, новые знания о природе, прошлом, но к быстрой прибыли отношения не имеют. Жак Паганель, симпатичный рассеянный географ Жюль Верна, выглядел бы сейчас существом не от мира сего. Никчемным ботаном, хранителем ненужностей.

Тем не менее, не смотря на такое отношение рвущегося к баблу общества, Паганели ему объективно нужны. Как первопроходцы, толкаемые в дорогу бескорыстным любопытством. Расходов и головной боли от них нет, а найдут что, можно сделать, например, объект-достопримечательность для втюхивания туристам. Кафешку рядом открыть. Экскурсовода за рупь в месяц нанять.

Евсей пробил даже решение областных экологов о необходимости исследовать гранитный карьер у села Шкурлат в связи с обилием костного материала, не меньшим чем в Костенках. Теперь собственник по закону был обязан пожизненно оплачивать исследования на своей территории. Чтобы научный материал не пропал. Но ставший собственником некий Непойманный имел другие планы. Больше Евсея к гранитному куполу не пускали. Вскоре средства предприятия оказались на Кипре, а их несчастный хозяин Непойманный сел на три года.

– Так и было, – сказала Адель. – Я в том ГОКе выпускала многотиражку «Гранит». Много писала. Надо было спасать советские еще теплицы, которые подкармливали рабочих. Они Непойманному не нужны. Людей увольняли, хотя на гранитный щебень был спрос. Вот и закрыли газету.

Так в тихой беседе долетели они до реки Осереды. Посмотрели сверху на долину маленькой речки Гаврило, на перегибе которой добывали гранит.

– Это и есть Нижняя река из твоей сказки, Данила?

– Конечно! Но чтобы нашу сказку, а точнее, реконструкцию, продолжить, нам нужно пообщаться с Евсеем Моисеевичем Перпендикуляровым. Единственным на Земле знатоком местного «кладбища костей» на реке Гаврило.

– Господи! Ты говорил, что когда был молодым этот... Евсей уже был стариком. Ты когда был молодым? Неужели Евсей еще жив?

– Однозначно, жив. Я говорил, Евсей питается «молодильными кашами»? Вот! И сохранился.

Адель в каши не верит. Было бы так, все их ели. А трескают другое. Кто щи, кто бургеры. Решили профессора навестить. Данила настаивал: будет интересно. А ей как «золотому перу» (шутка) еще и полезно.

Данила полдня сидел за компьютером. Нашел электронную почту Евсея. Написал письмо. Ему ответили. У профессора и скайп оказался.

Наконец, Адель смогла рассмотреть на экране человека, которому, страшно сказать, сто четыре года! Ожидала ветхость и утлость невероятные. Немыслимое переплетение морщин, Невнятный язык. Полное беззубие. Последнюю стадию деменции. Ан нет. Евсей Моисеевич выглядел немолодым кавказцем, спустившимся с гор на равнину. Без очков и слухового аппарата (последний, оказалось, все же был, но внутриауральный, в ушной раковине). Сидел перед экраном прямо. Отвечал быстро. В какой-то момент встал, чтобы показать свое помещение.

Повернул планшет налево, направо. Адель заметила множество ящичков с зелеными всходами. Стеллажи с крупными костями. На экране крупным планом ударный объект – челюсть со страшными зубами. Пещерный лев.

По скайпу мало, что рассмотришь. И нет ощущения реальности. Все непонятно. По счастью, Данила и Адель получили приглашение посетить старца. Когда? А что откладывать? Давайте завтра!

И вот Данила и Адель ищут частный дом на улице Социалистической в Пересветовске. Микрорайон Осиновая Роща. Осин, вопреки названию, нет. Единичные дубы-великаны. Им полтора века. Тогда на здешних пустошах был дом архиерея.

Немцы с мадьярами в войну стояли в пятистах метрах. Славно отдубасили снарядами округу. Металлоискатель звенит уже на расстоянии от дубов, столько в них осколков. Поисковый магнит льнёт к деревьям, с трудном отстаёт. По той же причине.

Стынут под ветром поздней осени хрущевские пятиэтажки, поздние высотки новостроя. Серенький мир, но нет-нет, а на детской площадке летом вдруг распустится необычный цветок. Под стеной гаража-самоотроя покажет признаки жизни древняя изуродованная туя. История силится напомнить внимательному глазу: об архиерейском подворье, Ботанической балке, где разводили первые в крае помидоры. О народниках «Земли и воли» Георгия Валентиновича Плеханова. Славно те пошумели на этих пустырях летом 1879 года! Гремело плехановское: «Люди ищут пути на небо по той простой причине, что они сбились с дороги на земле».

Сохранились в Осиновой Роще немногие одноэтажные домишки. Они очень мешают новострою. Строителям никак не удастся оторвать хозяев от клочков земли. На счастье домоседов, посылать киллеров к упрямам уже не принято. Не девяностые годы. Один из таких домиков и искал спешившийся экипаж «Лолы».

Они не опоздали. Калитка и дверь в прихожую предусмотрительно открыта. Адель входит за Данилой растерянная. Хозяин застыл на пороге комнаты. Улыбнулся Даниле:

– Все с девушками бегаешь? И правильно!

Кивнул Адели. Посторонился, опершись на бадик. Впрочем, он и без него, кажется, неплохо двигался.

Адель поглядывала на него осторожно, чтобы не показаться назойливой. Сто четыре года!

Евсей был очень худ. Наверное, невесом. В свитере. На голове шерстяная шапочка, так что волосы, если и есть, не видны. Будто поняв вопрос, старик ее снял. Волосы есть! Прекрасные снежно-белые. Улыбнулся. Зубы – тоже! Конечно, искусственные, но очень приличные. Морщин много, но не такая густая сеть как думалось Адели. И осанка (или ее следы) есть. Не горбится, как Данила.

Квартира трехкомнатная. Первая вся в ящиках с землей на стеллажах. Травы с зелеными колосками. Пшеница и рожь. Их она и по скайпу видела. Неяркий свет от люминесцентных ламп. Орошение капельное, повсюду тонкие оранжевые трубки, сочащиеся водичкой. Вторая комната побольше, потемнее. Тоже стеллажи по стенам. На них – кости, коричневые, белые, зеленоватые. Очень крупные бивни слонов. На стенах два мужских портрета. Один ей знаком. Владимир Михайлович Зельдин. «Друга я никогда не забуду, Если с ним подружился в Москве». Точно. Если в Пересветовске подружиться, через пять минут забудут. Сто три года актер прожил и до конца дней играл на сцене.

Посредине комнаты два стола. На них крупные черепа с очень большими рогами. «Длиннорогие зубры», – поясняет хозяин. О многом говорящие экземпляры. Взгляните на этот. Видите на правой лобной доле длинный шрам? При жизни зверя залечен костной тканью. По типу раны любая трассологическая экспертиза определит тип оружия. Острие уплощенного наконечника копья. Не столкновение двух животных и ранение рогом. Тогда бы рана в кости была округлой. Несомненно, удар нанес древний охотник. Бил теленка, но вышло неудачно.

Потом теленок вырос в гиганта, которого копьем запросто не взять. Прямое доказательство того, что на месте нынешнего Гранитного карьера долгое время было поселение, не моложе костенковского. В противном случае, откуда бы гигантская гора костей?

– А вот и останки хозяина! – торжествуя произнес Евсей, открывая шкатулку. В ней лежала одна небольшая серо-коричневая косточка. – Это, ребята, человеческая ключица, потолще чем у нас с вами. Оттого не вполне обычная. Человек это был современного типа, как и жители Костенок. У меня есть заключение Хрисанфовой, крупнейшего русского антрополога из МГУ.

– Это наши «нижние», – шепнула Адель Даниле. – Из сказки. У которых Матриарх выменивала кремневые блоки на мясо.

Евсей ее услышал! Да, черного кремня у гранитного купола Шкурлата было полно. Особенно, когда карьер строился. Стяжения попадались прихотливой формы, иногда округлые, но чаще ветвистые, плоские, треугольные. Встречались природные статуэтки. Можно было разглядеть в них морского льва, медвежонка, тюленя. Почему? Вода речки Гаврило просачивалась в песчаный мел до поверхности гранита и оставляла то, что несла с собой – кремнекислоту. По составу это один к одному конторский клей. «Клей» застывал, выполнял пустоты. Вот вам и стяжения кремня.

На одном стеллаже они лежали, в белой патине, под которой проступало черное вещество.

– У меня к вам несколько вопросов, – нерешительно начала Адель, поглядывая на Данилу.

– Буду рад, – не изобразил, но наметил церемонный поклон хозяин.

– Дама у нас журналист, – поспешил объяснить Даниил Егорович. – Сейчас довольно часто печатается в Пересветовских изданиях.

– Понятно, – наметил не вполне уважительный взмах руки хозяин. У него неплохо получалось такая условная жестикуляция, не требовавшая больших трудозатрат. – Ходили ко мне, ходили журналисты, смотрели, иногда писали. Все непробиваемо. Сейчас в Гранитном карьере ничего такого нет (обвел рукой стеллажи), все ушло в отвал. Я исчезну, все это пристроить некуда. Да и никто не будет пристраивать. И о том, что Костѐнки на Дону не единственное поселение позднего палеолита, никогда не узнают.

– Но почему на такую интересную тему, о «шкурлатовцах», никто не клюнул, ни Академия наук, ни местные ученые? Ведь к Костѐнкам внимание не угасает?

– Оттого, что Костѐнки раскручены. О необходимости собирать их кости писал Петр Первый. Стоянки человека, кремневые наконечники копий и много еще чего в 1879 г. обнаружил Иван Семенович Поляков, раскопки ведут с двадцатых годов. А Шкурлат погубил вселенский хапок девяностых годов. И новый хозяин ГОКа Непойманный. Человек своего времени.

– Могу вас порадовать, Евсей... Моисеевич, Непомнящему только что три года колонии дали. Реальные. Девять лет человек успешно защищался. Может, что-то меняется к лучшему?

– Что ж, заслужил...

– Как же вы, Евсей... Моисеевич столько лет выживали? Без всякой поддержки.

Старик показал на пожелтевшую полоску ватмана под потолком с цитатой из Плеханова: «Воспитание человека в духе нравственности состоит именно в том, что поступки, полезные обществу, становятся для него инстинктивной потребностью».

– Передам все в добрые руки. Тогда и... отдохну. А пока поработаю. Вот в Нью-Йорке Тао Порчон-Линч в девяносто шесть йогу преподает. Это потрудней моих размышлений над костями.

Гости не вполне согласились. Во-первых, девяносто шесть это не сто четыре, а во-вторых, сидеть в «позе лотоса» проще, чем тяжелые кости ворочать.

Адель не выдержала:

– Не расскажете историю своей интересной фамилии – Перпендикуляров?

Данила сделал ей со спины хозяина страшные глаза. Погрозил пальцем. Но хозяин не обиделся.

– Да, люди интересуются. По семейной легенде, когда крестьян отпускали на волю после Великой реформы Александра Второго, помещик вписал предкам в бумаги «Перпендикуляр». Пошутил. Наверное, геометрию уважал. Так и пошло. Спасибо, не «Эксцентриситетовым» сделал.

На этом гости откланялись. Уже за порогом Данила неодобрительно отозвался о последнем вопросе Адели.

– Может, еще и Вертолетова спросишь, какие у него связи с вертолетами?

– А что? И спрошу!

– Опасное погружение в экзистенциализм, мадам! Головокружение от успехов. Самолюбование!

За вечерним яблочным соком Адель сказала:

– Твоя, Данила, идея о палеолитическом «племени Нижней реки» блестяще подтверждена! Пересветовцы о реке Гавриле и селе Шкурлате пока не знают, но мы им расскажем! Журналистика должна нести народу знание о нем самом!

Данила хмыкнул.

– Не отлынивай. Продолжим про костенковских Ромео и Джульетту. Им теперь есть куда смыться от свирепой мамы с «укоризной»? На улице лето. Пусть бегут к «нижним»!

– Еще чего! Что их ждет у чужаков? Политическое убежище? Благодарность за знакомство с украденной пращей? Как бы не так! Скрипали счастливыми не бывают. Нет. Айя и Яа должны бороться за любовь у себя. Победить шансы есть. Оба молоды. Яа ценный парень. Талантливый скульптор, резчик по кости. Ножка у него прошла. Айя найдет подход к сердцу мамы-матриарха, которая её обожает. Другое дело, вступает в дело политика. Соперники у Яа – самые сильные и авторитетные мужики Клав и Шред. От их голосов на племенном собрании в Центральном шатре многое зависит. Сохранение Ань статуса матриарха. Внутренняя политика. Очередность в отправке людей на охоту и рыбную ловлю. То же – на разделку и хранение добычи. Изготовление охотничьего и боевого инвентаря. Распределение съестных припасов. Строительство общественных сооружений...

– Спальных ям?

– Дались тебе эти ямы! Не только. До войны Петр Ефименко будто бы раскрыл в Костёнках единую конструкцию из бивней и бревен на площади почти в шесть соток. Под общим покровом из шкур были скрыты двенадцать кладовых и четыре жилых землянки. Не слабо? Таким мог быть и Центральный шатер для племенных дискуссий.

– Сложно... И не доказано.

– Что делать! Костёнковцы были не проще нас, Адельюшка! Ни страстями, ни эмоциями, ни интригами. Ни в прогнозировании будущего. Ни надеждами на счастье. А в чем-то нас опережали. В умении радоваться малому. В толковом распоряжении доступным. Жили, вот, очень недолго...

У каждой столицы – своя провинция: новые открытия в гранитном карьере.

Статья в воскресном «Твоё» привлекла внимание многих внимательных пенсионеров, не считая уволенных работников ГОКа. Но не только. На нее откликнулся сам Виктор Петров, главный координатор Костёнковского проекта. Он сослался на статью Джона Хоффекера в «Сайэнс», в которой Костенки признавались самым ранним поселением человека современного типа на востоке Европы. Крупным, с сотнями жителей. Но столица ли это, говорить преж-

деврeменно. Петров упрекал «умеренно талантливoго» автора (ехидно, ехидно!) в накрутке романтических обстоятельств над бесспорными научными фактами. Сомневался в оправданности псевдоисторических реконструкций. Однако профессору Перпендикулярoву он отве-сил дистанционный поклон: «Если будут увеличено финансирование, Костѐнковский научный центр готов включить в ареал своих исследований площади в районе Гранитного карьера и села Шкурлат на Нижней реке».

Пересветовский комитет по экологии промолчал. Ему было не до лишних трат. Еще бы. Гроші понад усе!

А вот письмо из управления архитектуры. Заместитель главного архитектора г-н Вертолѐтов предложил по материалам Антона Верхогляда организовать краудфандинг среди предпринимателей для выкупа коллекции профессора Перпендикулярoва в интересах местного краеведческого музея. Недобрые языки это тут же связали с амбициями Вертолетова – планируемым участием в думских выборах. Или – выборах мэра. Какая разница.

Но для Адели – маленькая победа. Родившаяся в Даниловой сказке идея о «нижних» ожила!

Глава 7. Mortui non mordent!

Трехбунчужный паша Айдозли Мехмет девятого декабря 1790 года, пыхтел, поднимаясь на верхнюю площадку мечети Мухаммад-джами. Считал ступени. На каждой тринадцатой передыхал. Узкая винтовая лестница трудна для старика, но желание самому оценить русские позиции, полукольцом окружившие Ишмасль («Услышь, Боже!», *тур.*), велико.

Трехбунчужный паша Айдозли Мехмет,
комендант Ишмайсля

Двадцативосьмилетний султан Селим III, полтора года как севший на османский престол, удостоил пашу звания сераскира, командующего турецких войск на Дунайском левобережье. Султан дважды предлагал паше стать великим визирем (главнокомандующим всеми вооруженными силами). Вместо неудачника Шериф-паши, сдавшему русским столько крепостей. Мехмет-паше не соглашался, сославшись на годы и раны. Неразумно вступать в игру, когда четырехлетняя война почти проиграна. Он понимал, что султану, талантливому музыканту и композитору, коего в юности обучал военному делу, начатая не им война не нужна.

Да, мощная крепость строилась трудно. Обошлась дорого. По прибытию за год до суворовского штурма сераскир проверил, на что шли траты из султанской казны. Как знал, половина акме и курушей ушли в карманы местных чиновников. С ними паша разобрался

по закону, то есть по личному усмотрению. Жюри присяжных ему не понадобились. Коррупционерам калѐным железом выжигали пятки, с живых сдирали кожу. Палачи на плахах тяжелыми палицами прилюдно ломали им кости. Живыми водружали на колья, воткнутые по кромке обворованных укреплений. С этих позиций их крики подолгу разносились над притихшим Ишмаслем. Имущество казнѐнных уходило по Дунаю и морем в султанскую казну. В мае девяностого года сераскир сообщил Селиму III об отправке очередной порции конфиската – четырехсот пятидесяти тысяч курушей. Один куруш – пять граммов серебра. Следовательно, только за месяц возвратил монетами две тонны двести килограммов благородного металла.

Да, не могли тогда чиновники вывезти добычу на Канары или Каймановы острова. Суровое было времечко. Не то, что сейчас.

На минарете сераскир хотел предугадать предстоящие события. Ишмасль (русские звали его «Измайлово») был твердыней, которую противнику не одолеть. Что из того, что враг сокрушил худо защищенные турецкие позиции в Аккермане, Очакове, Вилково, Фокшанах, Рымнике, Килии, Тульчи, Исакчи. Измаил им не чета. «Орду-колесси», опорная армейская крепость, назначенная для сбора войск! Семь бастионов с башнями, укрепленным по советам французского инженера де Лофит-Клове и прусских фортификаторов. Рвы длиной шесть с половиной верст с волчьими ямами и прочими ловушками глубиной более пяти метров. У трехъярусного пушечного бастиона Табия стены толщиной четыре метра, одиннадцать амбразур.

Ишмаслю надо продержаться зиму. О том по распоряжению сераскира просят Господа в восьми мечетях, греческом, армянском монастырях, еврейских молитвенных домах. Весной в игру вступит коллективный Запад: Пруссия, но также Англия, Голландия, Польша.

У Мехмет-паши сорок тысяч воинов. В их числе, блистательная конница Каплан-Гирея, брата крымского хана, и его шести сыновей. Восемь тысяч клинков, недавно учинившим австрийцам конфузию под Журжей на Дунае. Готовы к бою двести пятьдесят пушек. У Дунайского берега десант встретят восемь лансонов (боевых парусно-гребных судов), двенадцать паромов, двадцать два прочих судна. Провианта в крепости запасено на полтора месяца. Мяса, правда, маловато. Оно положено только важным командирам. Русских не более тридцати одной тысячи (на самом деле, двадцать восемь). Как при таком соотношении они думают штурмовать твердыню?

Вон там, на востоке, у села Сафьяны, штаб Суворова. Лазутчики из местных влахов видели его шатер на Трубаевском кургане. Паша пожал плечами. Главнокомандующему мелькать перед стрелками противника на фоне неба не пристало. Этот Суворов, впрочем, и у русских слывет помешанным. Может выйти к подчиненным в сапоге на одной ноге и с туфлей на другой. Даром, что со старыми ранами в ногу и колено. Тем лучше.

Седьмого декабря от него пришло предложение капитулировать. Но, паше известно, у полевой артиллерии Суворова снарядов один комплект! Солдаты восемь месяцев не видели жалованья. Офицеры обносились и без белья. Еда скудная. Дров нет. Жгут в кострах дунайский камыш. Все простужены. Болезни косят.

Суворов с приближенными несколько дней сновал вокруг стен на расстоянии в ружейный выстрел. Прицельно выстрелить из мушкета тогда можно было только до шестидесяти шагов. Но – если цель не движется. Александр Васильевич перемещался в виду крепости стремительно. Было дело, его не раз чуть не поразили, но потом перестали принимать во внимание. Надоел. Пусть смотрит.

Седьмого декабря в два часа дня Мехмет-паша получил два письма на греческом и молдавском. Одно было от русского главнокомандующего светлейшего князя Григория Александровича Потемкина из Бендер, второе – от Суворова. В обоих предлагали сдачу, свободный выход на правый берег Дуная с «имением». Суворов дополнительно грозил: «двадцать четыре часа на размышление для сдачи и воля; первые мои выстрелы уже неволя, штурм, смерть». Его

письмо для полной ясности было с турецким переводом. Не ведают гяуры о султанском фирмане: в случае сдачи крепости казнить всех защитников. Зачем им в такой ситуации выходить на правый берег?

Недавно, рассказал перебежчик, Суворов во время обеда выпустил из-под полы казака незаметно пронесенного орла. Птица рванула вверх, врезалась в полотняный покров палатки и грохнулась оземь. «Это значит, – объяснил Александр Васильевич, – что Измаил падет!». Мехмет-паша вздохнул. Как бы не так! Вот если бы орел прорвал палатку и взмыл в небо, дело другое. А то взлетел да шлёпнулся? Больше признаков неуспеха русского штурма.

«Главное, не торопить события, – размышлял серакир. – Тянуть до края возможностей». На утро одиннадцатого он сам готовил три вылазки в расположение русских, на батарее и штаб Суворова. Пойдут сыновья Каплан-Гирея, знающие толк в набегах.

Паша просил у Суворова перемирия на десять дней для связи с великим визирем. Молчок. Девятого декабря он вновь послал Суворову гонцов с просьбой ответить. В итоге получил: «Согласиться никак не могу».

Дерзкое турецкое письмо русским пригodiлось. Гордые слова Мехмет-паши («Скорее Дунай остановится, и небо обрушится на землю, чем сдастся Ишмасль») зачитали в каждой роте. На военном совете быстро решили, что осадной армии предпринять. Первым выступил по традиции самый младший из тринадцати офицеров бригадир Матвей Платов. Он сказал: «Штурм!». Все бригадиры, генерал-майоры и генерал-поручики его поддержали. Суворов расцеловал каждого, приговаривая: «Сегодня – молиться, завтра – учиться, послезавтра – победа!».

Среди суворовцев много иностранцев, «понаехавших» из европейских стран в погоне за должностями и наградами. Все оказались отважными и достойными воинами (Ланжерон, Рожер Дамас, принцы Карл де Линь, Гессен-Филиппсталь). Участник штурма герцог де Фронсак (полное имя Арман Эммануэль Софи-Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, 5-й герцог Ришелье) – тот самый Эммануэль Осипович Ришелье. Основатель Одессы и поныне ее любимец (Дюк). Он, кстати, предлагал Екатерине заселить Новороссию французами. И не было бы у нас теперь конфликта с бандеровцами (шутка).

Перед штурмом Измайлова штатное расписание в офицерской части переполнено. Полковники командовали батальонами, сотнями, а то и... никем (пристроенные по протекции, просто числились при ударных колоннах, но жалование получали). У русской коррупции в этом случае нашлись положительные качества. При штурме выбыло до четырехсот офицеров из шестисот. И кто бы командовал войсками без не вполне легитимного кадрового «жирка»?

В ночь штурма к туркам перебежало несколько запорожских казаков и предупредили о неизбежном. Эффект внезапности был потерян. Правда, неприятель не знал, где будет главный удар и вынужден прикрывать все шесть верст стен и валов.

– Генерал Аншеф честь нам оказал, Иван Федорович, – сказал полковнику Волкову, командиру Пересветовского гусарского полка, генерал-поручик и кавалер Павел Сергеевич Потемкин, троюродный брат Светлейшего. – По батальону выделяй в резерв супротив всех ворот – Хотинских, Бродских, Бендерских.

– Сделаем. А вы куда, Павел Сергеевич?

– Велено вести все три колонны правого крыла. Всего пойдем девятью колоннами. Три от реки, шесть с суши.

Половина шестого декабряского утра на Дунае. Темно, ветрено. Плотный туман. Завтрак отменен. Пуля в полный живот – верная гибель, в пустой – может, спасешься.

Глубоки крутые рвы. Зла турецкая картечь. Солдаты пошли, закричали как велено «С нами Бог и Екатерина!», «Виват, Екатерина!», но у Кутузова получалось «Вперед, орлы! Вперед, егеря! Ура!», а у молодого секунд-майора Ергольского, комбата, еще проще – «Бей их, ребята!».

Казаки, потерявшие под Очаковым всех лошадей, шли на приступ с короткими пиками. Ятаганы янычар превращали убогое оружие в щепки. Беззащитные казаки гибли сотнями. Тогда в Бендерские ворота ввели три эскадрона пересветовских гусар под командованием Волкова. Турки взорвали мост, но пересветовцы его тут же починили. Гусарские синие ментики (суконные куртки), красные лопасти шапок-мирлионов, красные рейтузы (чакчиры), красно-белые кушаки и белые султаны заметны издали, друг друга не выпустишь из виду. Действовали в конном строю. На помощь казакам поспешил пересветовский подполковник Карл Федорович Фриз. Спас, кого было можно, вооружив ружьями убитых.

В середине города тысяча крымских татар защищалась с безмерной отвагой. Пример подавал Мухмуд-Гирей, ханский племянник. Семьсот его воинов уже на земле, и Мухмуд, потомок Чингизхана, сдался. Единственный из шести братьев, уцелевший в измайльской сечи.

На прорыв по узким улочкам во главе тысяч крымчаков неслись остальные пятеро вместе с отцом Каплан-Гиреем. Последняя попытка сбросить русских во рвы. Каплан-Гирей, видно, искал смерти. Сдаваться не желал. Понимал, его последний бой. Отца защищали младшие Гирей – Казы, Селим, Батырь, Ахмет, Мехмет.

Длинные ружья суворовцев не чета деревянным казачьим пикам. Штыки шли плотными волнами, резкими выпадами подавались вперед, плавно откатывались назад. Все по Суворовской «методичке»: «трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!» Кривой саблей не прорубить частокол теснящих стальных лезвий. Давит смертельное кольцо. Последними, не сдавшись, упали поверх тел воинов пятеро сыновей и отец.

Дорога к Дунаю открыта. На берегу – лагерь для пленных. В их сумрачной колонне брёл Мухмуд-Гирей. Увидев трупы отца и братьев, остановился, силился подойти. Шедший сбоку, гренадер легонько подтолкнул его прикладом – поздно. Теперь иди, куда ведут.

Последний очаг сопротивления – огромный каменный хан (караван-сарай) у Хотинских ворот – заперт изнутри железными перекладами. В нем оборонялись две тысячи янычар, сераскир и важные сановники Ишмасля.

Старик Айдоз Мехмет-паша сидел на груди седел, прикрытых ковром. Его знобило. На вопрос мухафиза (губернатора области) трехбунчужного паши Межмета, не сдать ли им, сказал односложно и невпопад:

– Иншалла (Если Господь даст).

Махафаз счел ответ за согласие, поклонился, отошел к двухбунчужным пашам Магмуту, Каликс-Адалы, Мехмету и Лавтуле, ждавших решения сераскира.

Время шло. Из караван-сарая турки не выходили. К воротам подтянули пушки, двумя залпами выставили створки ворот с косяками и частью стены. Чтобы побудить сдать, произвели внутрь залп картечью. Подействовало. Янычары запросили пощады, потянулись наружу, оставляя оружие на земле.

Сераскир стоял в общей толпе. Её с интересом рассматривали егеря. Внимание офицера привлек красивый золотой кинжал за кушаком старика. Он протянул за ним руку. Стоявший поодаль янычар Хикмет выстрелил ему в лицо из пистолета. Мехмет-паша отпрянул. С сожалением посмотрел на стрелявшего. Он и раньше ему не доверял, считал согладатаем и доносчиком султана. Теперь стала ясна его цель: не допустить пленения сераскира. Чтобы тот не поведал русским о спрятанной крепостной казне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.